
УДК 330
ББК 65.010.19
К 43

А.Т. Киргуев

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита Северо-Кавказского государственного горно-металлургического института, г. Владикавказ. Тел.: (8672) 40 71 10.

А.В. Нечаев

Аспирант кафедры экономики и управления Адыгейского государственного университета, г. Майкоп. Тел.: (928) 275 80 88.

Человеческий фактор в процессе дезинтеграции на мезо-уровне *(Рецензирована)*

Аннотация. Статья посвящена актуальным аспектам роли человеческого фактора в процессе дезинтеграции хозяйственного пространства региональных экономических систем современной России. Через экономическую политику потенциал человеческого фактора играет ведущую роль в данном процессе, поскольку дезинтеграция реализует конфликт в экономических интересах субъектов внутренней среде территории.

Ключевые слова: человеческий фактор; региональная экономическая система; дезинтеграция.

A.T. Kirguyev

Doctor of Economics, Professor, Head of Accounting and Audit Department, North-Caucasian State Mountain-Metallurgic Institute, Vladikavkaz. Ph.: (8672) 40 71 10.

A.V. Nechayev

Post-graduate student of Economy and Management Department, Adyge State University, Maikop. Ph.: (928) 275 80 88.

The human factor in disintegration at meso level

Abstract. The paper discusses the actual aspects of human factor in the process of disintegration of economy space of regional economic systems in contemporary Russia. The creative component of human factor plays the leading role in this process, since the disintegration realizes the conflict in the economic interests of subjects of the territory.

Keywords: human factor; regional economic system; disintegration.

В последние десятилетия российская экономическая наука и хозяйственная практика столкнулись с феноменом дезинтеграции. Такое столкновение оказалось во многом неожиданным, поскольку за десятилетия господства централизованной системы хозяйства ее участники привыкли к тому, что единство хозяйственного пространства представляет собой некую неизбежную предпосылку существования национальной экономики России. Рыночные преобразования опровергли

данное представление и утвердили достаточно противоречивый взгляд на организацию хозяйственного пространства, согласно которому доминирующей тенденции интеграции процесса мирового хозяйственного развития, благодаря которой глобальное хозяйство ежегодно пополняется множеством разнообразных интегрированных структур, объективно противостоит тенденция дезинтеграции, обуславливающая распадение многих моно-продуктовых и диверсифицированных, отраслевых

и территориальных, национальных и транснациональных хозяйственных систем [1].

Дадим краткую характеристику обоих процессов. Интеграция соединяет между собой, комбинирует как элементы складывающейся новой целостности и переплетает ранее обособленные друг от друга хозяйственные образования. В итоге формируется качественно новое — расширенное хозяйственное пространство активного взаимодействия и развития. Иные результаты создает дезинтеграция, основополагающая характеристика которой состоит в том, что она разрушает единство хозяйственного пространства, превращая ранее целостные, системные экономические образования в обычные совокупности потерявших свои взаимосвязи обособленных элементов, созидательный потенциал которых в сумме существенно ниже, чем аналогичный потенциал прежней системы. При дезинтеграции теряется один из важнейших для экономики эффектов системного взаимодействия — эффект синергии. Образно говоря, субъекты пространства, пережившего дезинтеграцию, становятся намного беднее самих себя в условиях интеграции экономических отношений.

Одним из наиболее ярких проявлений дезинтеграции в конце XX века стал распад единого хозяйственного пространства СССР. Как только исчезли силы административно-идеологического характера, обуславливавшие существование «планового хозяйства» на огромной территории, произошел ее распад на ряд национально-государственных хозяйственных образований, каждому из которых пришлось в свою очередь столкнуться с феноменом дезинтеграции, поскольку они вступили в сложный трансформационный процесс, для которого характерны следующие проявления:

— господство глобального капитала, которое обеспечивается анонимным образом, то есть посредством контроля над оборотом виртуального финансового капитала, происходящим в условиях сетевой организации экономических отношений. В результате над реальным

сектором экономики возводится сложная надстройка фиктивного капитала, ориентированная на самовозрастание, а вовсе не на развитие производственных сил; это первый существенный момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции общественно-хозяйственной жизни;

— ключевые ресурсы развития монополизуются: высокие технологии, человеческий капитал, новые знания жестко контролируются ТНК и отчуждаются от периферийных участков глобального хозяйственного пространства. Поэтому процесс развития мирового хозяйства специфическим образом регионализируется — в нём структурируются отличающиеся по достигнутому уровню и возможностям дальнейшего развития «первый мир», «второй мир», «третий мир» и т.п.; это второй момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции;

— субъекты, функционирующие в глобальном хозяйственном пространстве, находятся под сильнейшим информационным и культурным давлением, вовлекаются в процессы политического и идеологического манипулирования, далеко ушедшие от идеологических схем и манипуляций, присущих административно-командной системе хозяйствования. Тем самым данные субъекты отчуждаются от целевого полагания, стратегического управления, а следовательно, от нормального эволюционного развития; это третий момент дезинтеграции, который несет с собой процесс глобальной интеграции.

Глобальный кризис 2008–2009 гг. высветил ряд новых аспектов процесса дезинтеграции. Раскроем один из них, имеющий непосредственное отношение к исследуемому нами процессу. В преддверии кризиса многим участникам хозяйственных отношений и исследователям казалось, что глобальный капитал не знает никаких границ, в том числе и государственных, поскольку его природа предполагает безграничное расширение хозяйственного пространства его функционирования и развития. Субъекты глобального капитала считают собственными те элементы ресурсной

базы функционирующего капитала и инфраструктуры национальной экономики любой страны, которые востребованы развитием их воспроизводственного процесса, поскольку достаточно организовать поток финансовых ресурсов, чтобы привести в движение интересующие их владельца факторы реального хозяйственного процесса.

Однако кризис внес существенные коррективы в указанные представления, дополнив глобальную интеграцию локализацией и обособлением субъектов мирового хозяйства, вернув в руки национальных государств многие функции, которые ранее были поспешно квалифицированы в качестве надгосударственных, мировых функций. В рядах многих участников высокоразвитых интеграционных союзов (например, ЕС) наметился раскол, ряд из них обозначились в качестве претендентов на выбытие (Греция, Португалия).

Дезинтеграция не ограничивается мега- и макро-уровнями организации хозяйственных отношений, она проникает на мезо-уровень, в жизненную среду региональных экономических систем, продуцируя в этой среде многочисленные негативные эффекты:

— асимметрию структурной организации хозяйственного пространства России, усугубляемую различиями экономического, социального, природного, культурного характера, сложившимися между отдельными регионами-субъектами РФ;

— слабые связи субъектов данного пространства по горизонтали — экономические системы отдельных регионов-субъектов в значительной мере обособлены между собой и связаны лишь через посредство вертикальных отношений с федеральным центром, их обменные процессы, межрегиональные потоки капитала и человеческих ресурсов, а также совместные инвестиционные проекты крайне незначительны по сравнению с имеющимся потенциалом регионального развития;

— регулярное отвлечение ресурсов и разрастание транзакционных издержек на организацию встречных финансовых потоков из регионов в федераль-

ный центр и обратно, в виде средств финансовой поддержки, в которой нуждается абсолютное большинство регионов России;

— блокирование базовых функций региональной экономической политики, существенное ослабление ее ресурсной базы и инструментальных возможностей и др. [1, с.72].

Представляется, что процесс дезинтеграции не останавливается на уровне регионов-субъектов современной России и проникает в их внутреннюю среду. Раскроем соответствующие формы дезинтеграции, которые возникают при этом:

— ослабление системных связей между различными территориальными производственными комплексами, сложившимися в основном в условиях централизованной экономики и «выпадающими» из экономики региона после совокупности рыночных преобразований;

— формирование во внутренней среде региона ряда квази-форм, не обладающих потенциалом развития и способностью к продуцированию каких-либо позитивных эффектов, существенных для территории (квази-ассоциаций, квази-экономических зон, квази-кластеров и др.); как правило, такие формы генерируются на основе политических амбиций, без учета предпосылок реально имеющихся для создания нормальных ассоциаций, ОЭЗ, кластеров и др.;

— распад стратегически важных для территории корпоративных структур, потеря ими своей конкурентоспособности в результате экспансии в региональную экономическую систему глобальных экономических «игроков» или национальных холдингов;

— ослабление системных связей между местными хозяйствами, входящими в состав региона, в результате которого из региональной экономической системы «выпадают» отдельные муниципальные компоненты.

Оценивая приведенные выше проявления дезинтеграции на уровне внутренней среды регионов, можно сформулировать вывод о том, что они

генерированы человеческим фактором. Он играет ведущую роль в том числе и в негативных процессах на мезо-уровне, поскольку несет в себе потенциал обострения противоречий в интересах до уровня конфликтов между субъектами внутренней среды территории, а также обеспечивает формирование соответствующих стратегий и инструментов региональной экономической политики. По причине данной способности человеческого фактора структурные преобразования внутренней среды могут инициировать глубокую дезинтеграцию хозяйственного пространства территории, подрывать работающие механизмы хозяйствования, обеспечивать перерождение ряда нормальных функций в дисфункции региональных экономических систем и др.

В конкретных условиях регионов России указанный потенциал человеческого фактора опирается на особую роль института государственной власти, точнее, его территориального звена. Анализируя указанный институт применительно к условиям середины XX века, Л. Мизес пришел к обоснованному выводу о том, что, если в юрисдикции государства находится решение вопроса о том, оправдывает или нет определенное состояние экономики его вмешательство, то для рынка не остается сферы действия. Тогда уже в конечном итоге не потребители определяют, что должно быть определено, в каком количестве, какого качества, кем, где и как, — а именно государство (поскольку государство вмешивается, как только результат действия свободной рыночной экономики отличается от того, который власти считают «социально» желаемым) [2, с. 677]. Именно «избыточность» государственного администрирования придает негативным проявлениям человеческого фактора необходимую силу, превращая их в механизмы деструкции объективно необходимых отношений.

Присущая России мощная, гиперразвитая вертикаль государственной власти (административное принуждение, властный инфорсмент) нуждается в адекватной горизонтали (обществен-

ном согласии), которой пока что нет. Попытки выстроить сильную вертикаль, игнорируя потребности развития общественного согласия (то есть общественную горизонталь), могут привести лишь к созданию иллюзии о «величии» государства вместо по-настоящему эффективной государственной экономической политики.

Дж. Бьюкенен формулирует вывод о том, что конституция экономической политики, основанная на общественном согласии, способствует устранению возможных конфликтов между личными и общественными интересами, поскольку ее действие рассчитано на несколько исторических периодов, на ряд поколений людей (налицо феномен сглаживания различий, схождения различных индивидуальных позиций и интересов в процессе длительного действия общественной нормы, что правомерно сравнить с результатами действия закона больших чисел) [3, с. 20].

Особенно значимы результаты дезинтеграции в региональных экономических системах депрессивного типа, где человеческий фактор вовлечен в особый деструктивный процесс — наращивание квази-капитализации институционального статуса [4, 5]. Статус региональной экономической системы есть обобщающая характеристика основных институтов, существующих в ее хозяйственном пространстве. Современная институциональная теория следующим образом объясняет механизмы формирования и закрепления статуса: закрепление в нормах права, обычаях, формах контрактов, формах поведения положения территориальной экономической системы. Статус есть знак определенного состояния, и как такой знак он может быть искусственно отделен от своего носителя.

Каждый статус воспроизводится в том числе и в расширенном масштабе — прирастая, усиливая знак принадлежности к лидерам, догоняющим, депрессивным территориям и т.п. При этом возможен сценарий искусственного разрастания того или иного статуса — например, в целях привлечения инвесторов при отсутствии реальной

инвестиционной привлекательности, расширения бюджетной поддержки из средств федерального центра при отсутствии реальных оснований для ее получения и т.п. В основе указанного искусственного разрастания того или иного статуса — человеческий фактор процесса формирования и реализации экономической политики. Отметим, что во всех случаях реализация сценария искусственного разрастания того или иного статуса может привести лишь к усилению процесса дезинтеграции во внутренней среде территории — например, при оттоке капитала, когда инвесторы обнаружат свидетельства реального положения дел в регионе.

Обобщая приведенные выше положения, сформулируем главный вывод: для того, чтобы остановить дезинтеграцию, необходимо создать механизмы включения потенциала человеческого фактора в процесс кооперации, комбинирования, с перспективой выхода на интеграционное взаимодействие элементов внутренней среды территории. Интеграция опирается на естественно возникающие силы притяжения друг к другу участников рыночного взаимодействия. В современной экономике в качестве источника таких сил могут быть использованы прежде всего нематериальные активы и наиболее креативный компонент человеческого фактора — человеческий капитал [6]. С учетом данного обстоятельства у территориаль-

ной экономической системы и ее стратегических инвесторов, преодолевающих дезинтеграцию, во внутренней среде должны сформироваться эффективные варианты капитальных комбинаций с участием данных приоритетных форм активов инновационной экономики.

Для региональных экономических систем современной России жизненно важным становится налаживание процесса управления знаниями. Отметим, что современные тенденции развития человеческого фактора обозначились в концепции «образование в течение жизни». Во многих организациях «новой экономики» на повышение квалификации и глубокую переподготовку специалистов отводится до 20% рабочего времени. За весь период профессиональной деятельности каждый специалист ориентирован на повышение своей квалификации не реже одного раза в пять лет, то есть 7–8 раз на протяжении периода трудовой активности. Передовые корпорации выделяют высококвалифицированным специалистам 10 часов в неделю на изучение литературы по специальности и 40–80 часов в год на участие в какой-либо форме непрерывного образования. Применительно к человеческому фактору региональной экономической системы это означает необходимость создания современного научно-образовательного кластера, готового осуществить функцию территориального управления знаниями.

Примечания:

1. Киргуев А.Т. Социально-экономическая политика субъекта Российской Федерации в условиях дезинтеграции хозяйственного пространства. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

2. Мизес Л, фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.

3. Бьюкенен Дж. М. Сочинения: пер. с англ. Т. 1. М.: Таурус Альфа, 1997.

4. Прохорова В.В. Субрегиональные структуры территориальной экономической системы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Экономика. 2010. №4 (64).

5. Кусраев А.Ч. Особенности модернизации региональных экономических систем депрессивного типа. Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2009.

6. Мокрушин А.А. Взаимодействие вертикально интегрированных корпораций с региональными экономическими системами современной России: функции, формы, стратегии управления. М.: Вузовская книга, 2011.

References:

1. Kirguyev A.T. Social and economic policy of the subject of the Russian Federation in the conditions of disintegration of economic space. Rostov –on–Don: SKNTs VSh Publishing House, 2006.

-
2. Mises L., von. Human activity: the treatise in the economic theory. Chelyabinsk: Sotsium, 2005.
 3. Buchanan J.M. Compositions: trans. from English. V. 1. M.: Taurus Alpha, 1997.
 4. Prokhorova V.V. Subregional structures of territorial economic system // Bull. Adyghe State University. Economics. 2010. No. 4 (64).
 5. Kusrayev A.Ch. Features of modernization of regional economic systems of the depressive type. Krasnodar: YuIM Publishing House, 2009.
 6. Mokrushin A.A. Interaction of vertically integrated corporations with regional economic systems of modern Russia: functions, forms and management strategies. M.: Vuzovskaya Kniga, 2011.